

Московская Коллекция

А л е к с а н д р
ПРОХАНОВ

АЛЮМИНИЕВОЕ ЛИЦО
ЗАМКОВЫЙ КАМЕНЬ

Московская коллекция

Александр Проханов

**Алюминиевое лицо.
Замковый камень (сборник)**

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Проханов А. А.

Алюминиевое лицо. Замковый камень (сборник) /
А. А. Проханов — «Центрполиграф», 2014 — (Московская
коллекция)

Герой романа «Алюминиевое лицо» – человек преуспевающий, жизнерадостный, легкомысленный. Сверкающий лаком автомобиль, прелестные девушки, глоток вина на банкете составляют его жизненный идеал. Но вдруг он наступает на оголенный провод русской истории... Составившие раздел «Замковый камень» религиозно-философские очерки находятся в неявной связи с романом «Алюминиевое лицо» и другими романами «Московской коллекции». В этих очерках, напоминающих вероисповедание, Александр Проханов делится с читателем откровениями о русской истории, о природе государства Российского, о тайнах, законах русского времени, среди которых действуют многие персонажи его произведений.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Проханов А. А., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Алюминиевое лицо	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Андреевич Проханов

Алюминиевое лицо. Замковый камень

Сборник (Издается в авторской редакции)

Алюминиевое лицо

Роман

Глава 1

Петр Степанович Зеркальцев, сорока лет, высокий, легкий. Одет небрежно, в дорогом, чуть помятом пиджаке. На плечи наброшен шелковый французский шарф. Лицо продолговатое, смуглое, с темными, гладко зачесанными волосами, с едва заметной, играющей в уголках губ иронией, которая исчезает в широкой заученной улыбке, если его узнают и кланяются из толпы. Глаза серые, внимательные, зоркие, со светлыми металлическими точками, в которых мгновенно фокусируется окружающий мир, превращаясь из разноцветного хаоса в точно сконструированный образ. Этот образ укрощенного и осмысленного мира откладывается в памяти, как в лаборатории, где собираются драгоценные пробы для будущих исследований. Или превращается в короткий, изящный, исполненный тонкой иронии и глубокого содержания репортаж. В режиме онлайн он направляет этот репортаж в эфир радиостанции, где подвизается в качестве модного обозревателя автосалонов, эксперта автомобильных новинок. Слывет законодателем вкуса и моды, сотрудничая с представителями фирм, немало содействуя распродажам.

Таким изящным, легкомысленным, источая улыбки, он вошел в павильон автосалона – огромное лучистое пространство, наполненное миллиардами сверкающих корпускул. Словно космические пылинки переливались крохотными спектрами, кружились, танцевали, складывались в прозрачные узоры и вновь рассыпались, опадая из купола невесомой росой.

В вышине под сводом, как ослепительное хрустальное солнце, вращался автомобиль – последняя модель «ситроена», весь из стекла, в бесчисленных переливах и блесках. Вдруг становился золотым, окруженный нимбами. Превращался в винно-красный, словно бокал наполняли терпким вином. Начинал светиться нежно-фиолетовым, как аметист. Наливался темной синевой, становясь похожим на свисавшую из неба гроздь сирени.

Хрустальный автомобиль был небесным светилом, был центром мироздания, вокруг которого вращалось множество фантастических космических тел.

Зеркальцев восхищенно воздел глаза, погружая взор в прозрачную глубину светила, где шла непрерывная реакция, извержение таинственных энергий. Несколько секунд посвятил молитвенному созерцанию, отдавая жертвенную дань божеству. Он, огнепоклонник, был в храме, в котором чувствовал себя жрецом и исповедником.

Автомобили были повсюду, неповторимых цветов, размеров и форм. Иные стояли на подиумах, напоминая алтари, и машина, приподнятая над землей, казалась языческим кумиром, своей красотой, пленительной пластикой, брызгами света собиравшим вокруг себя обожателей и поклонников. Глаза, устремленные к ней, наркотически переливались перламутром, а губы беззвучно шептали молитвы и заклинания.

Зеркальцев испытывал сладость галлюцинаций, которые возникают у курильщиков кальяна, когда в чудесном дурмане предметы меняют свои очертания, начинают парить в воздухе, рождая неземную восхитительную музыку.

У фиолетового «шевроле», на гнупом стуле сидел виолончелист с длинными седыми волосами, водил смычком, закрыв тяжелые желтоватые веки. Автомобиль вращался на подиуме, словно танцевал под музыку лунатический танец.

Он издали узнавал марки машин, замечая малейшие изменения дизайна, пропорций, размеров, отличавших машину от своей недавней предшественницы. И восторгался, с замирающим сердцем охотника и коллекционера, устремлялся к экземпляру, доселе неведомому, поразившему своей пленительной новизной.

Автомобильные заводы на всех континентах неумоимо, жарко, страстно, сливаясь в единую техносферу, производили машины. Непрерывно видоизменяли, помещали в потоки рыночного спроса, отдавали на откуп прихотям и капризам моды, насыщали множеством микроскопических вкраплений, которые, накапливаясь, приводили к созданию новой модели. Здесь, как и в природе, действовал неумолимый закон эволюции, рождавшей новые жизнеспособные виды, обрекая на исчезновение не вписавшиеся в эволюцию организмы.

Он проходил мимо семейства «ниссан», обменявшись приветствиями с дилером, с которым познакомился на автосалоне в Париже. Похлопал по капоту черный внедорожник, словно это был живой жеребец. Этим похлопыванием выразил уважение к могущественному концерну и его представителю, маленькому изящному японцу.

Автомобили с их металлической начинкой, механическими рычагами, клапанами, подшипниками и осями облекались художником в форму, роднящую их с произведениями живой природы. Одни напоминали морские раковины. Другие – подводные цветы. Третьи – хищных и стремительных рыб. Четвертые – экзотических птиц. Были машины свирепые и оскаленные, как тигры и леопарды. Были набрякшие и тяжеловесные, как быки. Красная спортивная «феррари», волнистая, прижатая к земле, напоминала гибкую лисицу, которая стремительно стелется, повторяя телом волнообразный рельеф.

Зеркальцева отвлекали посетители салона, которые узнавали его. Одни пожимали руку, другие просили автограф, третьи напоминали о недавнем выступлении по радио, где он рекламировал последнюю модель «вольво»-внедорожника. Он всем улыбался, оставлял в блокнотах свою легкомысленную летящую роспись, тайно сетуя, что его отвлекают от сладостного созерцания.

Автомобиль – вместилище огня, коллекция сплавов, сгустки электроники, каскады колес и сцеплений – неодоушевленная искусно сконструированная система, неявно, таинственным сходством повторяла человека. Несла в себе его образ, как футляр от скрипки повторяет образ музыкального инструмента, обнимает своим сафьяном и бархатом музыку, притихшую в струнах и гулком полированном дереве. Были автомобили – дерзкие юноши и прелестные девушки. Солидные мужчины и светские львицы. Циничные презрительные политики и жестокие, brutальные дельцы с набухшими от пистолетов подмышками. В каждой машине – в овалах капота и кузова, выпуклостях крыльев, в изящных сужениях или тяжеловесных выпуклостях – мерещились женские груди и хрупкие щиколотки или мужские бицепсы и тяжелые волевые подбородки.

Зеркальцев, испытывая род сладострастия, смотрел, как девушка открывает мощную дверцу внедорожника, переносит в салон свою обнаженную ногу, протягивает в смуглую глубину свою гибкую руку – и машина начинает светиться от этих нежных прикосновений. Как на картине Серова «Похищение Европы», где глазированный бык несет на спине обворожительную хрупкую женщину.

– Петр Степанович, извините ради бога, – остановил его высокий седой мужчина с властным холемым лицом и тяжелым золотым перстнем на пухлом пальце. – Моей дочке исполнилось восемнадцать. Хочу ей сделать подарок. Какую бы вы модель посоветовали?

Он оглянулся на юную барышню с зелеными глазами, в которых сверкали шальные искры веселья, и вся она трепетала от радостного нетерпения, осматривая бессчетные автомобили. Среди них была та, на которой она промчится перед замороженными обожателями, увлекая за собой стремительный рой их скоростных спортивных автомобилей.

– Пожалуй, вашей прелестной дочери подойдет «ламборджини-дьябло» с емкостью двигателя шесть литров и способностью за первые пять секунд набирать скорость сто двадцать километров в час. – Зеркальцев благосклонно и радушно улыбнулся, кивая в даль салона, где, вишневая, с серебряным блеском, вращалась на подиуме машина, напоминая фантастический цветок.

Отец и дочь, кланяясь, словно получив благословение духовника, устремились на сочный цвет спелой вишни.

Зеркальцев продолжал любоваться изделиями, красота которых объяснялась совершенством конструкции. Дизайнер лишь изящным прикосновением руки вписал машину в поток бытия, как дельфин вписывается в плеск морской волны, ястреб парит в восходящих воздушных струях. Все машины, неподвижные или плавно кружащие, несли в себе остановленный сгусток энергии, готовый превратиться в рывок, могучий бросок, хищное вторжение. Бамперы, решетки радиаторов, хрустальные фары, независимо от моделей, были готовы прокалывать, вгрызаться, бить, вонзаться, совершая разрушение и переустройство мира, в который они были нацелены. Прогрызать в городах новые проспекты и улицы. Растирать в пыль мешающие особнячки и уютные дворики. Рассекать пустые необжитые пространства скоростными трассами.

Рваться под землю туннелями. Взмывать в небеса бетонными многоярусными эстакадами. Каждое поколение машин необратимо меняло мир, рождая новую красоту. Архитектурные стили и веяния моды. Формы причесок и туфель. Ароматы духов и музыкальные ритмы. Отношения мужчины и женщины, народа и власти, природы и техники. Он, Зеркальцев, испытывал на себе это непрерывное воздействие, словно каждая новая модель наносила по нему едва ощутимый удар, меняя его психику, образ и философию жизни. Как молоточек ювелира, ударяя в драгоценную подковку, создает изысканное изделие.

– Петр Степанович, – остановил его посетитель салона, явившийся не выбрать себе новую модную марку, а насладиться восхитительным видом, блеском, тихим, как поцелуй, чмоканьем дверцы, сладким запахом лака, пьянящим ароматом свежих покрышек. Был меломаном, приходившим в консерваторию услышать прежнюю музыку в новом исполнении. – Правда ли, Петр Степанович, что «Вольво» предлагает вам обкатать новую модель вседорожника и вы собираетесь совершить путешествие в Псков? Вы говорили об этом в вашей недавней передаче.

– Я подтверждаю это. – Зеркальцев расписывался маленькой серебряной ручкой в подставленном блокноте.

– Я наслаждаюсь вашей аудиокнигой, где вы рассказываете о своем путешествии на «хонде» от Аляски до мыса Горн. Как все ярко и содержательно! Можно надеяться, что после Пскова появится аудиокнига?

– Вы предвосхитили мои намерения. – Зеркальцев улыбнулся обожателю и проследовал дальше.

Автомобили были целомудренно свежими, дивно непорочными, какими бывают бабочки, только что вылетевшие из кокона, еще не побитые дождями, не исклеванные птицами, не потерявшие пыльцу от столкновения с листьями и стеблями. У каждого автомобиля было свое загадочное будущее, своя неповторимая судьба, которую, как гадалка, пытался угадать Зеркальцев. Одних ожидали дорожные катастрофы, когда смятый и ободранный кузов таит в себе забрызганные кровью сиденья и части истерзанной человеческой плоти. По дру-

гим, дырявя металл и осыпая стекла, пройдет автоматная очередь, доставая в глубине салона беспомощную жертву. Третьи будут угнаны и разобраны на узлы и детали, как это делают торговцы человеческими органами. Четвертым суждено прожить долгий век, обветшать, изнашиваться, покрыться чешуей и лишайниками старости и попасть на кладбище автомобилей, где нашли успокоение некогда гремевшие и сиявшие марки.

Так, двигаясь мимо «пежо» и «мерседесов», «тойот» и «фольксвагенов», отыскивая в каждой машине ее мерцающую хрупкую линию жизни, Зеркальцев подошел к экспозиции «Вольво», где десяток первоклассных машин, от грузовиков и автобусов до спортивных и представительских седанов, демонстрировали совершенство европейской автостроительной культуры. Здесь он отыскал автомобиль, интересовавший его больше остальных. Модель «Вольво-ХС90», лакированный смугло-алый красавец с хромированным улыбкой радиатором, упитанным плотным багажником и чуть выпуклыми настороженно сверкавшими фарами. Именно эту модель предложил ему обкатать и отрекламировать знаменитый концерн, выбрасывая на русский рынок новинку. Именно на подобном внедорожнике завтра утром, когда над Москвой прольется малиновая струйка зари, он рванет на северо-запад в неведомый ему город Красавин, влекущий своей русской таинственной древностью.

У машины стоял дилер, хорошо знакомый Зеркальцеву по прежним салонам и переговорам, сопровождавшим поездку в Красавин. Невысокий, с рыжими глазами резвой кошки, в позе официанта, ждущего клиента, чтобы угодить ему великолепным набором блюд. Владимир Лифшиц долгие годы жил в Стокгольме, являясь посредником между шведским концерном и русским автомобильным рынком, где шведы высаживали десанты не только партиями готовых автомобилей, но и целыми заводами, на которых танцующие роботы, брызгая огнями, мерцая окулярами, размахивая стальными клешнями, сваривали элементы кузова.

– Объясни, дружище, почему ты решил гнать машину в захолустный Красавин, а не куда-нибудь на Байкал или в уральские степи? Я, между нами, сомневаюсь в правильности твоего выбора.

– Разве я когда-нибудь вызывал нарекания заказчика? – Зеркальцев погладил лакированное крыло машины, и ему показалось, что оно слабо дрогнуло от его ласкового прикосновения. – Во-первых, Красавин и русский северо-запад – то место, где шли варяги, то есть шведы. Во-вторых, соединение обворожительной архитектуры Красавина, напоминающей беленые русские печки, с безукоризненным дизайном ХС60 даст желаемый контраст, на котором я хочу обосновать свою рекламную кампанию. И наконец, сегодняшняя русская жизнь такова, что за пределами Москвы она не менее загадочна, чем жизнь племен в сельве Амазонки. Я хочу показать моим соотечественникам Россию, от которой они отказались и которую можно вновь обрести с помощью ХС60.

– Не мне тебя учить. Не сомневаюсь, ты и на этот раз будешь великолепен. Кстати, вице-президент приглашает тебя пообедать после твоего возвращения.

– Намекни ему, что я не в восторге от скандинавской кухни и предпочитаю китайскую.

Они расстались дружелюбно, и Зеркальцев заметил, как в рыжих глазах Лифшица мерцает множество разноцветных точек-отражений автомобилей.

Он еще покругил по салону. С тонкой иронией наблюдал, как молодой человек садится в «бентли» платинового цвета. Машина не отражала света, а поглощала его, светилась мертвенной голубоватой белизной, как осенняя луна. Молодой человек был красив, голубоглаз, с белокурыми кудрями и следами порока на еще свежем лице. Был из сыновей высокопоставленных чиновников, которые дарят своим отпрыскам баснословно дорогие машины, спасая их от тюрьмы, когда распаленный вином, одурманенный наркотиком баловень сшибает на переходе беременную женщину и уносится прочь, оставляя умирать свою жертву, разгоняя до двухсот километров свой ревущий слиток платины.

По соседству в БМВ цвета золотого самородка сидел смуглый, азиатского вида красавец, позируя фотографу глянцевого журнала, в котором должна была появиться статья о настоящем мужчине, носящем часы стоимостью в полмиллиона долларов.

Зеркальцев бегло осмотрел экзотические экземпляры – «роллс-ройс», обтянутый кожей африканского носорога, «феррари» со стеклянным капотом, под которым мерцал драгоценными сочленениями мощный двигатель. Это были извращения гениального разума, который, казалось, уставал рождать совершенные формы.

Теперь наступило время, когда на радио ожидали его репортаж и миллионы слушателей внимали с нетерпением.

Зеркальцев остановился неподалеку от перламутрового «рено». Достал телефон. Связался с редакцией и, оказавшись в эфире, стал импровизировать:

– Вы слышите этот легкий струящийся звук, напоминающий шелест змеи на камне? Это шелестят голубые шелка светской дамы, которая садится в салон «хитачи» цвета лазури. Вы слышите это чудное мелодичное позвякивание? Это господин, по виду президент банка, задевает золотым браслетом за руль, садясь в «мерседес». Но, разумеется, не эти VIP-персоны и выбранные ими автомобили являются хитами салона. Автомобиль стремится избавиться от диктатуры бензина. Силится сбросить с себя бремя все дорожающей нефти. Если вы едете где-нибудь в землях Южной Германии и видите желтые до горизонта поля рапса, не заблуждайтесь. Здесь выращивают не корм для коров, а готовят пищу для автомобилей. Несколько малолитражек, представленных на салоне, уже работают на биотопливе, и, если дело пойдет дальше, мы увидим машину, работающую на цветочной пыльце и калориях пролетающих мимо бабочек...

Посетители салона останавливались на почтительном расстоянии, старались его услышать. Не приближались, понимая, что присутствуют при священнодействии своего любимца. Зеркальцеву нужны были эти обожающие взгляды. Они были той цветочной пылью, что питала его энергией.

– Мы видим здесь опытный образец «опеля», который на аккумуляторах может проехать сто пятьдесят километров, то есть на нем вы можете день кружить по Москве между офисами, магазинами и загородным коттеджем, а вечером подключить свою машину к розетке, как мобильный телефон, чтобы восполнить заряд. Вы увидите перспективный образец «фиата» со стеклянной крышей, под которой расположены солнечные батареи. Безоблачное небо Средиземноморья – неисчерпаемый резервуар энергии для вашего автомобиля, а солнце есть бесплатная заправка, которая плывет у вас над головой.

Он рассказывал о новинках, которые предлагает рынок России. О машинах представительского класса, о «народных автомобилях», об их достоинствах, новациях в управлении, о системах безопасности, о множестве почти незаметных вкраплений, которые делают езду комфортней и увлекательней. Отдельно он поведал о новых материалах, которые вытесняют металл, вдвое облегчают машину, позволяют увеличить мощность двигателя. Космические технологии спустились из космоса на Землю, превращая автомобиль в чудо техники, не уступающее будущим марсианским аппаратам.

– А теперь о моем личном пристрастии. О любви с первого взгляда. О любви, в которой вам гарантирована взаимность. «Вольво-ХС60» – машина для свободного человека. Машина для интеллектуала, желающего постичь суть вещей. Машина для поэта, стремящегося написать поэму о бытии. Для тех, у кого высшими ценностями являются воля и красота, независимость и познание. Именно на этом автомобиле я отправляюсь завтра в удивительный край русских озер и рек, белоснежных храмов и седых крепостей, в дивный Красавин. В моем странствии я буду регулярно рассказывать вам, как «Вольво-ХС60» позволяет мне прикоснуться к русским святыням. Как знать, не ожидает ли меня впереди Чудо, как это бывало с русскими странниками и богомольцами, отправлявшимися на поиски земного рая. «Вольво-ХС60» – это тот автомобиль, который доставит вас в Русский рай!

Зеркальцев видел, как взволновала обожателей его последняя фраза. Женщина, внимавшая всем его тирадам, начала было аплодировать. Но ее муж схватил ее за руки, и эти холеные, усыпанные кольцами руки затрепетали, как пленная птица, в его смуглых ладонях.

Вдруг стало ярче и разноцветней. Хрустальный «ситроен» под сводом стал ослепительным, в нем бушевали сгустки золотого, алого, изумрудного. Казалось, под куполом бьет могучий бурлящий фонтан, орошая мир драгоценным эликсиром бессмертия.

Глава 2

Популярная радиостанция, с которой сотрудничал Зеркальцев, называлась «Триумф-1». И именно сегодня работники и многочисленные гости станции собрались на корпоративную вечеринку, которая протекала в ресторане «Прага». Сразу после салона, выпустив в эфир репортаж, Зеркальцев отправился на вечеринку, предвкушая особый род общения, состоящего из множества мимолетных необязательных встреч, каждая из которых соединяла его с сообществом ему подобных. Они могли быть едва знакомы, могли испытывать отчуждение, но принадлежали к единой среде, которая давала им чувство уверенности, иногда могущества, укрывала от опасностей, питала энергиями.

И одновременно подчиняла неписаным законам и правилам, посылая команды корпоративного поведения.

Он приехал в «Прагу», когда вечеринка преодолела первый бурный момент, нетерпеливая толпа, блистая нарядами, возбужденно устремила к столам, где наливали крепкие и легкие напитки, были расставлены блюда с аппетитными бутербродами, нарезками мяса и рыбы, и в хромированных чанах, стоящих на спиртовках, благоухали мясные яства. Все уже утолили первый голод, выпили по одному-другому бокалу вина. Все сообщество двинулось в медленном вязком кружении, создавая несколько встречных потоков, которые сталкивались, огибали друг друга, создавали медленные протуберанцы, прихотливые завихрения. Залипали, стискивались и снова вязко текли по ресторанным залам, мерцая бокалами, восклицая, озаряясь улыбками, схватываясь на несколько минут в необременительных встречах.

Зеркальцев, держа бокал с белым итальянским вином, попал в маленький остановивший его водоворот, в котором собралась для скоротечного общения небольшая группа гостей. В ее центре находился известный писатель – бунтарь и политический деятель, создатель левой радикальной партии. Партия выходила на демонстрации, устраивала дебоши и митинги, попадала под удары милицейских дубинок, тревожа выходками тучных обывателей и питая сюжетами книги своего вожака. Казалось, когда иссякала тема его очередной книги, он задумывал новую авантюру, бросал на ее осуществление своих сторонников, которые яркими скандалами давали пищу новым художественным замыслам. Книга еще не была написана, а ее главы уже кипели уличными демонстрациями, вспышками милицейских машин, арестами и пресс-конференциями.

Недавно вождь объявил о намерении баллотироваться в Президенты России, и этому был посвящен протекавший среди собеседников разговор.

– Но мне кажется, это с вашей стороны скорее способ привлечь внимание, нежели серьезное политическое намерение. Неужели вы полагаете, что у вас есть шансы? – спрашивал щеголеватый, с хитрым лисьим лицом политолог, известный своей фрондирующей позицией.

Писатель, скрывая свое пренебрежение к умеренному, ничем не рискующему оппозиционеру, отвечал:

– Птица истории садится в руки к тому, кто раскрывает ей навстречу свои ладони. У Ленина, казалось, не было никаких шансов, но именно он оказался в Кремле.

Писатель был невысок, сухощав, элегантен, в вельветовом пиджаке, с бантом. У него была длинная узкая бородка, седеющие усы, на стареющем лице блестели маленькие очки. Создавая свой образ борца, он умышленно придал себе сходство с Троцким – та же пламенная революционность, дружба с европейскими «левыми», привнесение в политику элементов искусства.

Зеркальцев был равнодушен к политическим взглядам писателя. Ему нравился дизайн, в который тот облек свою деятельность. Он ценил красоту и отвагу его поступков и книг, в которых тот утонченно копировал опыт своих русских и европейских предшественников. Кос-

нувшись бокалом рюмки вождя, Зеркальцев покинул кружок собеседников, унося в бокале затихающий звон. И его повлекло по залу.

Еще одна беседующая группа зацепилась за выступ стены и держалась там, омываемая потоком, который стремился ее оторвать. Высокая тяжеловесная женщина с тяжелым лошадиным крупом, могучими свисающими к животу грудями, с гривой черных, начинавших сесть волос, говорила резким и властным голосом:

– Пусть они не мешают нам строить наше теократическое государство. Еврейский мир консолидирован вокруг Израиля, который уже сегодня является пастырем всех народов.

Проповедь женщины была обращена к старичку с розовым черепом и голубыми младенческими глазами, который слыл видным еврейским правозащитником и не давал покоя мелким прорывавшимся в прессу антисемитам. Тут же присутствовал именитый адвокат с мягкими верблюжьими губами, из которых нередко излетали обвинения в адрес «русских фашистов», и журналист с жилистым смуглым лицом библейского странника. Сама же женщина была ведущей радиопрограммы, непримиримой к власти.

– Если они не прекратят наступать на права евреев в России, если они забыли уроки холокоста, мы их сметем, а их главарей выставим в клетках на обозрение мира.

Ее тяжелое, с отвисшими щеками лицо хранило следы былой красоты, черные влажные глаза все еще мерцали женственностью. Но теперь она была не пленительной возлюбленной, не матерью многодетной еврейской семьи, а прародительницей народа, от которой произошли колена могущественного племени.

Ее лоно, прикрытое тканью, все еще продолжало извергать неукротимых жестоковых сыновей.

Такой она виделась Зеркальцеву, который был равнодушен к «еврейскому вопросу» и лишь любовался дизайном, в который тот был облечен. Младенческие смеющиеся глаза старика с картины «Сюзанна и старцы». Фиолетовые, как баклажаны, губы адвоката. Тяжелая, как вымя, грудь прародительницы, на которой висели крупные костяные бусы, быть может, из костей поверженных врагов.

В окружении молодых, празднично одетых женщин, журналисток модных изданий, разглагольствовал невысокий, с круглым животиком, круглой остриженной головой политолог, близкий к кремлевским верхам. Его маленькие маслянистые глазки настороженно поблескивали, зорко просеивали текущую мимо толпу, словно ожидали внезапную опасность, которая заставит его юркнуть, спрятаться, спастись в недалеком, надежном укрытии. Зеркальцев усмехнулся, обнаружив сходство политолога с раком-отшельником, который выползает из раковины среди нарядных актиний, высматривая добычу маленькими чуткими глазками. И едва скользнет тень невидимой рыбы, сразу прячется в раковину, оставляя перед створками крохотный вихрь песчинок.

– Теперь уже мало кто сомневается в конфликте, существующем между президентом и премьер-министром. Президент Арнольдов и премьер Хлебопеков все еще стараются казаться сиамскими близнецами. Но уже навис скальпель, готовый их рассечь. Этим скальпелем будут предстоящие президентские выборы, где они столкнутся, как два непримиримых антагониста.

Журналистки с обожанием влюбленных учениц внимали суждениям политолога, который приоткрывал волнуемую всех кремлевскую тайну.

У одной журналистки была красивая голая спина с подвижными лопатками, на которых остановил свой взгляд Зеркальцев. Другая под струящимся шелком приподняла бедро, отчего в разрезе платья открылась сильная стройная нога.

– Но кто победит в этой борьбе? У кого больше шансов?

– Я думаю, они будут сражаться, как два джентльмена. Но есть группы, которые могут вбросить в общество чудовищный компромат, который решит исход выборов.

– О каком компромате вы говорите?

– Вы хотите от меня невозможного, – таинственно улыбнулся политолог, и его маслянистые черные глазки тревожно забегали.

Зеркальцев был далек от политики. Его не занимали кремлевские интриги, на которые столь падко было журналистское сообщество. Его увлекали автомобили и тот восхитительный мир, в котором они мчались среди мировых столиц, по сияющим автострадам, мимо египетских пирамид, парижских дворцов, небоскребов Манхэттена. Он не погружался в темные уродливые глубины бытия, воспринимая мир эстетически. Его восхищали модные платья журналисток, чуткие лопатки на голой женской спине, красивый изгиб ноги.

Ему нравился образ подводного царства, в котором среди разноцветных актиний лежит перламутровая раковина, и в ней мерцают настороженные глазки обитателя морских пучин.

Вечеринка продолжалась, подчиняясь таинственным законам, по которым движутся облака, струятся воды, зарождаются и исчезают водовороты и завихрения. Бармены неумоимо наливали в бокалы вино. Официанты вносили новые дышащие паром чаны. Играла музыка, и несколько меланхолических пар танцевало под зеркальным шаром, среди бегущих зайчиков света. Зеркальцев прислонился спиной к мраморной стене, попивал из бокала, наблюдая бесконечные, проходящие мимо вереницы.

Известный телевизионный ведущий, академик телевидения, старожил экрана, законодатель телевизионной моды, бравирующий своим американским происхождением, утонченно иронизирующий по поводу русской действительности. Он мягко пробирался в толпе, с его лица не сходила улыбка, адресованная всем сразу, и каждый, на кого падал свет этой улыбки, считал себя счастливецом. Мэтр был лысый, с бугристым черепом и лисьим ртом. От него исходила странная желтизна, и он напомнил Зеркальцеву фонарь с желтым отражением в черной воде канала.

Дама неопределенных лет с лицом юной барышни – результат многочисленных искусных подтяжек – сияла васильковыми глазами, под цвет которых было подобрано нежно-голубое платье. Она была вдовой известного демократа. В знак памяти об усопшем деятеле она получила от президента должность сенатора экзотической республики. Предпочитала рядиться в розовое и голубое и в таком весеннем виде позировала у могилы супруга, являя странный вид вдовства. В ее цветастости и свежести была яркость искусственного цветка, которым украшают жестяной могильный венок.

Чуть прихрамывая, в помятом костюме, с коричневым морщинистым лицом, прошел профессор экономической академии, светило либеральной экономики, постоянно укорявший правительство за неверный экономический курс. Его любила либеральная общественность, его шелестящий голос часто звучал в эфире радиостанции. Он делал экономические прогнозы, которые порой не сбывались. Зеркальцеву он напомнил кожаную стоптанную туфлю с торчащим наружу язычком, на которой мягко отпечатались все мозоли, искривления и выпуклости уставшей ходить ноги.

Так он стоял у стены, обмениваясь взглядами и поклонами, делая маленькие глотки итальянского вина, забавляясь игрой, в которой наделял проходивших гостей сходством с предматами, рыбами и животными. И когда мимо провели под руку грузную, с распухшими ногами революционерку, несгибаемо ненавидящую органы государственной безопасности, Зеркальцев сравнил ее с истлевшим сундуком, который выкопали из земли и на котором виднелось клепаное, опоясывающее крышку железо.

– Петр, дорогой, я знала, что тебя здесь увижу! – К нему на шею бросилась красивая белокурая женщина с холеным загорелым лицом, в которой он узнал свою бывшую жену Светлану. За ней возвышался ее нынешний муж, бельгиец с белесой щетиной, напоминавший добрую большую собаку. – Я слышала, что ты весной был в Бельгии. Так почему же к нам не заехал? – Она щебетала, счастливо переводя глаза с него на своего мужа, который протянул Зеркальцеву большую теплую руку с обручальным кольцом.

– Я участвовал в автопробеге Гамбург – Брюссель – Париж, и у меня просто не было времени вас навестить, – ответил Зеркальцев, с удовольствием рассматривая тонкое лицо в весеннем средиземноморском загаре, которое когда-то любил, а теперь просто любовался утонченным носом, вздетыми бровями и маленьким пунцовым ртом, как на суздальской иконе. – Как Алеша? Он мне давно не звонил. – И, спросив, удивился равнодушию, с которым спрашивал о сыне. Тот учился в Монсе под Брюсселем в университете, по окончании которого собирался работать в фирме отчима, продвигать на рынок какие-то лазерные технологии.

– С Алешей все хорошо, – отмахнулась она от вопроса. – Мы с Ксавье ездили весной в Ниццу, а оттуда морем на Капри, а оттуда в Испанию. Было изумительно.

Ксавье благодушно улыбался, и Зеркальцев подумал, что Светлана нашла человека, которого посадила на тонкий, короткий поводок и будет выгуливать всю оставшуюся жизнь.

– Давайте завтра пообедаем втроем, – предложила она. Ей захотелось оказаться в обществе двух мужчин, которым она в разное время дарила свою любовь.

– Увы, не могу, – ответил Зеркальцев. – Завтра, чуть свет, в дорогу.

– Ну, когда-нибудь в другой раз. – Она поцеловала его в щеку и вместе с мужем исчезла в толпе, о нем забывая.

А он не давал воли чувствам и воспоминаниям, довольствуясь дизайном, в который были облачены их эфемерные, почти не существующие отношения.

На него налетел страстный, пылкий радиожурналист, источавший вокруг себя прозрачный розовый жар.

– Петр, я слышал, ты отправляешься в Красавин. Уточни, пожалуйста, одну вещь. В Интернете промелькнула сплетня, что будто бы жена премьера Хлебопекова, Алла, постриглась монахиней в каком-то тамошнем монастыре. Должно быть, сплетня. Но Аллу давно никто не видел, а с тех пор как Хлебопекоев закрутил роман с питерской балериной, стали поговаривать, что он развелся с Аллой. Можешь проверить сплетню?

– Ты же знаешь, что меня интересуют только автомобили. В данном случае «Вольво ХС90». Если бы среди автомобилей случались бракоразводные процессы, я бы этим занялся.

– Ну, как знаешь. А все-таки возьми на заметку. – И он покатился дальше, пышный, пылкий шар, окруженный розовым заревом.

Зеркальцев пожал плечами, словно испытал легкий озноб. Решил, что вечеринка себя исчерпала, двинулся к выходу.

Его остановило прикосновение женской руки. Эта белая, легкая, с длинными пальцами и перламутровыми ногтями рука легла ему на рукав, и он мгновение любовался ею, прежде чем перевел взгляд на близкое, матово-жемчужное лицо с серыми, затуманенными от вина глазами.

– Ты уже уходишь? Возьми меня с собой. – Это была Алина, ведущая популярной программы, в которой именитые журналисты, писатели и политологи блистали своим интеллектом и осведомленностью в хитросплетениях политики. У Зеркальцева был с нею скоротечный, легкомысленный роман, когда уносились из вечерней Москвы в загородную гостиницу, и он помнил листопад под осенним фонарем, ее серебристый вздетый локоть, и как упал и разбился бокал. Она шла босая в ванную, осторожно поднимая ноги, как большая белая птица. – Ты не хочешь провести со мной вечер?

Зеркальцев взял ее теплую руку, поцеловал душистые пальцы и отпустил, позволяя потоку подхватить ее и увлечь в ленивом водовороте, из которого блеснули на него разочарованные глаза Алины.

Уже на выходе ему воспрепятствовала колыхнувшаяся толпа. Все устремились к хозяину торжества, руководителю радиостанции, властителю дум и кумиру либеральной интеллигенции. Невысокий, с огромной широколобой головой, с пышной гривой алюминиевых волос, он выступал, как сказочный маг, перед которым расступалась толпа, к которому тянулись руки с бокалами, обожающие взгляды. В его пышной шевелюре блестел каждый волосок, в котором

бежали струйки алюминиевого света. Голова, как антенна, рассылала в мир радиоволны, и на каждого, кто внимал радиостанции, ложился едва заметный алюминиевый отсвет.

Зеркальцев порадовался родившейся метафоре, покинул ресторан, очутившись среди горячей ночной Москвы, блиставшей бесчисленными огнями. Он был без машины и решил вкусить редкое изысканное наслаждение – прогулку по ночной Москве.

Его сразу же захватило зрелище Нового Арбата. Среди голубоватых, едва различимых фасадов, казавшихся игрой туманных лучей, двигались два встречных потока. Один, из шевелящихся, сочных рубинов, удалялся, слипался, казался текущей магмой, живой материей, извергавшейся из незримого кратера. Лицу становилось жарко, словно дышала печь, полная алых углей. Навстречу, влажно сверкающие, прозрачно хрустальные, плыли огни, струилась бриллиантовая река, словно бессчетные глаза брызгали лучами, переливались, таинственно колыхались, подчиняясь загадочному, пробежавшему по реке волнению. Среди этих рубинов и бриллиантов слабо угадывались очертания машин, лакированные дверцы и стекла. Две неведомые формы жизни, обильные, пульсирующие, не существующие на Земле, создавали пугающее и сладкое ощущение инопланетной реальности. Именно это свойство ночной Москвы ценил Зеркальцев, подверженный наркотическому воздействию московской ночи, когда душа, пьянея от космических видений, переселялась в восхитительные миры.

Храм Христа Спасителя светился лунным, мертвенно-голубым светом, словно луна приблизилась и встала среди московских фонарей и деревьев. На ее млечно-синей поверхности лежали серые тени безводных морей и кратеров. Купол казался полярной шапкой из золотого снега, который таял, стекал золотыми потоками. Тени на лунной поверхности перемещались, меняли очертания, словно луна была живой, думала, чувствовала. Зеркальцеву казалось, что его мозг начинает воспринимать эти чувства и думы, в нем оживают дремлющие, запечатанные участки, и он вспоминает утробные сны, когда находился в чреве матери и душа еще помнила миры, из которых прилетела на Землю.

Кремль был розовым заревом, окруженным тьмой. Это зарево летело во Вселенной, в нем таилось послание, излетевшее из божественных уст. Оно было направлено в неодушевленные области мироздания, при встрече с которыми засверкают галактики, вспыхнут бессчетные солнца и на оживших планетах расцветут волшебные, небывалые формы жизни.

Храм Василия Блаженного казался чудовищным и прекрасным сооружением космического архитектора. Межпланетной станцией со множеством пристыкованных отсеков, каждый из которых прилетел из бесконечно удаленных миров, где жизнь была явлена в виде думающих кактусов, мыслящих раковин, чувствующих цветов, огненных шаров и пучков разноцветных лучей. Зеркальцев видел, как переливается одна жизнь в другую, происходит соитие, вращаются в темноте и страстно пульсируют тростки и щупальца. И вдруг бесшумно взрывается весь огненный осьминог, из него извергается голубая плазма, и множество разноцветных капель опадает в безжизненный мрак. То ли космическая катастрофа, то ли оплодотворение одной из неживых Вселенных.

Он был пьян без вина. Надыхался цветных дурманов. Накурился сладких дымов. Каждый шаг по ночной Москве, каждый переулочек и улица вливали в него глоток эликсира, от которого расширялись глаза, восхищенно вспыхивало сердце. И хотелось пить и пить этот чудодейственный наркотик из ночных мерцаний и радуг.

Река, как из черной слюды, переливается, блещет, отражает огни, как крутящиеся золотые веретена. По набережным струятся непрерывные стеклянные бусы, вспыхивают, гаснут, и река глотает икринки света, дрожит, взбухает. Словно из глубин всплывают загадочные рыбы, неведомые существа. Зеркальцеву казалось, что всплывают из глубин его сознания невнятные страхи, неназванные пороки, несовершенные грехи, и от этого жутко и сладко.

Он шел по набережной. Каменные мосты казались невесомыми, повисшими над водой облаками. Железные мосты были прозрачными и переливались, как радуги. Хрустальные

мосты были наполнены восхитительными фиолетовыми переливами, казались стеклянными бабочками.

Зеркальцев шел мимо особняков, жилых домов, кристаллических строений, не узнавая их, не понимая, в какой части Москвы он находится, словно оказался в призрачном городе, в приснившемся царстве. То вдруг испытывал слезную нежность, то ликующее восхищение, то мимолетное сладострастие, то беспричинную тревогу. Это был город, построенный на другой планете. Город его пьяных видений. Его младенческих снов.

Этот город строил колдун. Его возвел чародей. В нем правил волшебник, который вовлек Зеркальцева в свои владения, лишил воли, памяти, прежних пристрастий, вел, как лунатика, среди золотых паутинок, серебряных деревьев, лучистых спектров.

Одни дома были похожи на воздушные шары из разноцветных полос. Медленно уплывали ввысь, оставляя волнистый след. Другие напоминали фантастические светящиеся грибы, из которых летели мерцающие споры. Множество прозрачных стеблей тянулись в черное небо, и в них текли разноцветные соки, брызгая в черноту нежной росой. То высилась глыба голубого льда с заключенным в нее источником света. То красный кристалл самоцвета с лучистыми гранями. И над крышами зданий в черном небе вдруг загорались рекламы, алые, зеленые, голубые, как гигантские махаоны, прилетевшие в Москву из Вселенной.

Он вышел на площадь, по которой скользили огни. Высотное здание, увенчанное хрустальным шпилем, нежно розовело и казалось прозрачным. Он поднял глаза и в черном небе увидел бегущую строку из красных огненных букв. Он сумел прочитать лишь завершение строки: «... и умирать царевна будет больно». Строка утекла и растаяла, оставив розовое облачко.

Он изумился. Небо, где проструилась надпись, было пустым, без рекламных конструкций, без электронного табло, на котором могли загораться буквы. И само содержание надписи показалось странным. Вдруг вспомнились недавние, услышанные на вечеринке слова о жене премьера, которую насильно постригли в монахини. Наркотическое опьянение мгновенно прошло.

Он стоял на Смоленской площади у высотного здания, стараясь понять, откуда взялась в пустоте таинственная надпись. Быть может, кто-то начертал ее лазерным лучом на невидимых облаках.

Глава 3

Ранним утром, когда воздух был серым и голуби неохотно просыпались в капителях колонн и лепнине старинных фасадов, Зеркальцев вышел из своего дома на Чистых прудах. У подъезда, как черный слиток, стоял внедорожник «Вольво-ХС90». Казалось, в его лакированной оболочке еще таится отблеск недавней московской ночи с сиянием огней, пылающими рекламами, озаренными ресторанами и ночными клубами. Навстречу Зеркальцеву шагнул молодой человек, представитель фирмы, пригнавший машину.

– Прощу. – Он передал Зеркальцеву ключ, и тот ощутил на ладони литую приятную тяжесть. – Все системы проверены. Позвольте пожелать вам счастливой дороги. Надеюсь, вы получите удовольствие от машины, – и ушел, исчезая в тенистом переулке.

Машина дышала красотой и силой. Ее мягкие овалы, округлые формы, упругие шины, хрустальные, чуть раскосые фары – все говорило о скорости, мощи, неукротимом движении. И эта остановленная быстрота, этот укрощенный порыв взволновали Зеркальцева. Он почувствовал свое родство с машиной, сочетался с ней таинственными узами. Очеловечивал ее, наделял своими чертами, давал свое имя. Переносил свою душу в совершенный механизм, могучий двигатель, хрупкую электронику.

Кинул на заднее сиденье дорожный саквояж с костюмом, сменой белья и обуви. Положил осторожно портативную японскую видеокамеру. Повернул ключ в гнезде, услышав легкий стрекотинный шелест ожившего двигателя. Счастливо и молниеносно оглядел загоревшиеся циферблаты. И тронул автомобиль, прочитав бессловесную молитву о благополучии странствующих.

Москва была пустой. Одиноко мигали на перекрестках желтые светофоры. На бульварах редкие таджики в оранжевых фартуках косили газоны. На клумбах в сумерках пламенели цветы. Машина, пружиня на колесах, сдерживала свой порыв, двигаясь в узких улицах. Добралась до Ленинградского проспекта и дала волю своему шестицилиндровому двигателю, с легким шелестом обгоняя попутные автомобили. Вырвалась на кольцевую дорогу, на которой уже зарождался утренний поток. Свернула на Новорижское шоссе и, преодолевая гравитацию гигантского города, сбрасывая с себя окраины, как сбрасывают с плеч шубу, ринулась в светлеющие пространства, в которых разгоралась заря.

Зеркальцев вел машину, чувствуя абсолютную с ней гармонию, когда она откликалась не на повороты руля, не на слабые прикосновения рук, а на его мысль, на легкий поворот его зрачков. Машина видела его глазами, дышала его грудью, откликалась на мир его мыслью. Он испытывал удивительную свободу, счастливую легкость, сладостную необремененность. Город, от которого он удалялся, был прошлым, которое его отпускало. Бесчисленные встречи, знакомства, любовные приключения, обязательства перед журналами и радиостанциями, неотложные дела и неотменяемые свидания – все это отлетало, освобождало его. Будущее, в которое он стремился, еще не захватило его новыми знакомствами, обязательствами, коллизиями, которые впутают его в новую сеть отношений, – это будущее еще не настало, было зарей, струящимся асфальтом, травяным проносящимся полем.

И от этого легкость, свобода, почти невесомость счастливого помолодевшего тела, подхваченного восхитительным полетом.

Городки и селения попадались все реже, и их вид был все беднее, несчастнее. Зеркальцев испытывал болезненное недоумение, его эстетическое чувство страдало, строения были уродливыми, закопченными, неухоженными, и он старался их быстрее проехать. Снова вырваться в поля, алые опушки, синие от цветов бугры, золотые и сизые бурьяны на невспаханных полях, которые казались первобытной богатырской степью.

Несколько раз он останавливался, и тогда струящиеся, как разноцветный шелк, поля и размытые темно-зеленые леса превращались в сочные фиолетовые соцветья люпина, в муравейник с шевелящимся мерцающим скопищем, в иголку сосны, которую он надкусывал, чувствуя горький смоляной аромат.

Вскоре селения совсем пропали, и по сторонам шоссе потянулся сплошной угрюмый, на долгие километры лес. Иногда на обочины выходили одинокие люди в косматых одеждах, поставив перед собой ведра с грибами и баночки с ягодами. В одном месте стоял прилавок, и на нем были вывешены лисьи и волчьи шкуры, красовались головы медведей, оскаленных волков, рогатых оленей. И было странное чувство, что люди, некогда населявшие города и села, одичали, ушли в леса и теперь живут в шалашах и землянках, кормясь грибами и ягодами, занимаясь бортничеством и звероловством.

Шоссе было почти свободным от легковых автомобилей. Лишь мчались в обе стороны громадные гудящие фуры, напоминавшие стада бизонов, и шоссе было продавлено их тяжелыми колесами.

Пустыня лесов и полей, отсутствие селений и признаков человеческой жизни придавали пространствам инопланетный характер. И среди этого безлюдья, на двух столбах, по обе стороны дороги промелькнули два напыщенных портрета. Президент Арнольд и премьер Хлебкоков, глядящие один на другого надменно, с яростными презирающими глазами, похожие на бойцовых петухов.

Настало время выйти на связь с Москвой и передать в эфир свой первый репортаж.

Он увидел проселок, взбегавший на холм. Свернул, достиг вершины, по которой бежали волны зеленой травы, качались нежные колокольчики и ромашки. Поодаль виднелись развалины какой-то деревни, просевшие крыши, зиявшие черные окна. Он достал телефон и вышел на связь. В Москве ему были рады. Некоторое время он слышал музыку и слова ведущего, который возвещал о его появлении в эфире. И он, оглядывая близкие травы, далекие синие леса, высокие летние облака, стал вещать:

– На этот раз меня окружают не ажурные конструкции автосалона, а русские летние травы. Не роскошные модели знаменитых автоконцернов, а полевые цветы, на одном из которых шевелится шмель. Сюда, в эти русские просторы, меня домчал великолепный «Вольво-ХС90». Не стану расхваливать все удобства этой уникальной машины. Скажу, когда вы в нее садитесь, у вас возникает ощущение, что вы оказались в утробе матери, которое вы когда-то покинули. Набирая за первую секунду сто километров в час, я позволял себе развивать скорость в сто тридцать километров, благо не встретил ни одного поста ГАИ. Но красота и таинственная прелесть этой поездки не только в качестве великолепного автомобиля. Благодаря «Вольво-ХС90» вы моментально переноситесь из технотронной цивилизации, из мира рафинированного интеллектуализма и изысканных гедонистических наслаждений в первобытную доисторическую Русь, населенную неведомыми племенами, которые ходят в шкурах, изъясняются на языке, лишенном согласных, ударяются оземь, превращаясь в волков, оленей, медведей. Таковы мои первые впечатления о России сокровенной. До встречи. С вами был Петр Зеркальцев.

Он прятал телефон, когда услышал за спиной легкий шорох. Оглянулся. На него смотрело маленькое, мохнатое существо с одним глазом, красным, как рубин. На существе были лохмотья, ноги обуты в рваные резиновые сапоги. Оно странно хрюкнуло и побежало, захромало, покатилося, исчезая в кустах. И там, где оно только что было, летели зеленые волны травы, качались полевые цветы.

Зеркальцев испытал большое изумление. Стал спускаться с холма туда, где сверкала его машина.

Он одолел половину пути и завернул в кемпинг, окруженный подступившим лесом. Бензозолонка. Небольшая, затейливо построенная гостиница. Кафе. Стоянка для автомобилей, на которой громоздилась одинокая фура. На брезенте был ярко нарисован оранжевый беркут. Кривой клюв, злобно нахохленный загибок, распушенные перья. У фуры расхаживал дальнобойщик в зеленом комбинезоне, другой возился в кабине.

Зеркальцев поставил машину перед входом в кафе и пообедал, отметив добротность борща и пельменей, свежесть ржаного хлеба и чистоту помещения, в котором отсутствовала обычная для таких заведений безвкусица.

Вышел из кафе. Увидел дальнобойщика, который осматривал его машину, любовался, восхищенно качал головой. Он был крепок, в ладно сидящем комбинезоне, русоволосый, с открытым красивым лицом, какие красовались на советских плакатах, изображавших летчиков, шахтеров, танкистов. Он поднял на Зеркальцева ясные голубые глаза и сказал:

– Машина – просто класс. Поцеловать хочется. Только что по радио слушал про «Вольво-ХС90», и вот тебе, пожалуйста!

– Про нее и слушали, – сказал Зеркальцев, с удовольствием рассматривая крупные правильные черты, добродушную улыбку, золотистые брови, все открытое, доброе, с наивным восхищением лицо.

– Так это вы говорили по радио? Это вы Петр Зеркальцев? Точно, ваш голос! – изумленно ахнул дальнобойщик. – Я по голосу вас узнал!

– Вы правы, от голоса трудно избавиться. – Зеркальцеву было приятно, что его узнают даже в такой глухомани, даже те замкнутые и необщительные тяжеловозы, которым, казалось, были чужды его изысканные аристократические репортажи.

– Я мужикам расскажу, что самого Зеркальцева встретил. За ручку держал. – Дальнобойщик протянул свою широкую теплую ладонь и сильно сжал пальцы Зеркальцева. – А на счет этих лесных оборотней – это вы точно сказали. Здесь сплошь колдуны живут.

– Да это я пошутил. Вы должны были почувствовать иронию.

– Да нет, точно. Вы у них ведро грибов покупаете, в мешок ссыпаете. Домой приезжаете, а там камни. Банку с ягодами берете, дома достаете, а там песок.

– Вот уж не думал, что в моей шутке есть доля правды. – Зеркальцев усмехнулся, глядя в синие глаза дальнобойщика, стараясь угадать, ни разыгрывают ли его. Но лицо дальнобойщика было искренним, заговорщицким, в нем появилась суеверная робость.

– Вообще эти места недобрые. Вы поедете, километров через тридцать начнутся места нехорошие.

– Чем нехорошие?

– Во-первых, связь пропадает. Вышки стоят, а связи нет. Будто рации и телефоны глушат.

– Может быть, холмы? Или какие-нибудь другие экраны?

– Именно другие. Аномалия. Не только связь пропадает, но и машины.

– Как так, машины?

– Бесследно. Из пункта «А» выбывает, а в пункт «Б» не прибывает. Ни следов аварии, ни следов нападения – ничего! Будто машину подхватывают и уносят на небо.

– Были такие случаи?

– Этой весной «форд фокус» пропал. В прошлом году «жигули» пятой модели. А в позапрошлом колесный трактор. Думали, бандиты на запчасти разбирают. Ну ладно, «форд» или, к примеру, «Вольво-ХС90». А кому нужен жигуленок помятый или трактор «Беларусь» с допотопных времен? Тут дело в другом. – Дальнобойщик оглянулся, не подслушивают ли их, перешел на шепот. – В это место НЛЮ прилетают. Забирают машины для исследований. Один раз чуть меня ни забрали.

– Это как же? – Зеркальцев видел, что дальнобойщик не шутит. Мучительно сдвинул брови, потускнел, ссутулился, словно над ним нависла невидимая тяжесть, давит его к земле.

– Осенью ехал. Уже темно было, ближний свет врубил. Думаю, дотяну до кемпинга, здесь переночую. Вдруг вижу, передо мной по шоссе шар скачет, белый, как ртуть, и брызги огня летят. Думаю, шаровая молния, как бы не сожгла. Торможу, и она тормозит. Встаю, и она останавливается. И все время скачет, вверх-вниз, вверх-вниз. Двинул на нее, а она отскакивает. И что интересно, двигатель тягу теряет. Дави не дави на газ, еле плетусь. Потом шар как прыгнет, полыхнул и ушел вверх. И сразу тяга вернулась. Доехал, переночевал.

Утром машину оглядываю. Никаких повреждений. Только зеркало все в мелких трещинках, как в паутинках. И на брезенте вроде копотью беркут нарисован. Я потом ребят попросил, они мне краской беркута нарисовали.

Зеркальцев посмотрел на фуру – оранжевая злобная птица нацелила крючковатый клюв, распушила перья.

– Да, интересные здесь места, – задумчиво произнес Зеркальцев, залезая в машину.

– Уж вы аккуратней, – напутствовал его дальнобойщик. – А я мужикам скажу, с самим Петром Зеркальцевым беседовал. – И снова на Зеркальцева смотрело открытое лицо Валерия Чкалова, и за окном внедорожника проплыла оранжевая хищная птица.

Он проехал десяток километров, думая, как в следующем, вечернем, репортаже расскажет о странных и забавных поверьях, что бытуют среди дальнобойщиков, верящих в колдунов и пришельцев. Потом он с благодарностью подумал о ХС90, который успешно справлялся с продавленной в асфальте колеей. Казалось, толстые шины сами избегают опасных углублений, плотно льнут к полотну, упруго шелестят по шоссе. Он взял телефон, собираясь позвонить на радиостанцию, но обнаружил, что связь пропала. В телефоне беспомощно пульсировала зеленая колбочка, стараясь отыскать сеть. Зеркальцев вдруг испытал необъяснимую тоску, сердечную пустоту, душевную тяжесть. Их природа странно коренилась в темном, обступившем шоссе осиннике, в узкой полосе открытого неба, где неожиданно скопились тучи, в каком-то промелькнувшем у обочины ворохе хвороста. Ему казалось, что на грудь его легла холодная щупальца со множеством присосок, пьет его кровь и тепло, и он теряет силы, задыхается и вот-вот может выпустить руль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.